

Максим Чурилов

Обернувшись, мы не увидим Бога

Он есть лишь там, где длится жизнь

ФИЛОСОФСКОЕ ЭССЕ

Максим Чурилов

Обернувшись, мы не увидим Бога

«Автор»

2026

Чурилов М. В.

Обернувшись, мы не увидим Бога / М. В. Чурилов — «Автор»,
2026

Философское эссе о вере, сомнении, разуме и человеке, написанное для тех, кто уже не может верить наивно, но не готов признать мир пустым и бессмысленным. Автор ищет Бога не в прошлом, не в страхе и не в готовых догмах, а в живом настоящем: в человеческом выборе, совести, любви, надежде и способности мыслить честно. Наука, философия и вера здесь не объявляются врагами — напротив, книга пытается показать, что они могут существовать в одном сердце, не унижая друг друга. Это размышление о религии и сомнении, о добре и зле, страдании и смерти, свободе и ответственности, о том, почему человек ищет смысл — и почему, оборачиваясь назад, он так часто теряет главное. Перед читателем не проповедь и не система окончательных ответов, а путь живой мысли: местами спорной, личной, уязвимой, но обращённой к самому важному — к человеку, в котором, возможно, и открывается Бог.

© Чурилов М. В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Бытие	5
Глава 2. Введение	6
Глава 3. О вере и о сомнении	9
Глава 4. О религии	12
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Максим Чурилов

Обернувшись, мы не увидим Бога

Глава 1. Бытие

«Всё есть Бытие. В каждом его мгновении есть Бог. Бог всемогущ и вездесущ. Его суть доступна каждому мгновению Бытия лишь частично. Он создатель Бытия, его часть, его Начало и Конец. Каждый человек как Разум является сыном Божиим и братом любого другого. Во всём духовном есть единая Истина — Господь. В себе Он содержит Любовь, Веру, Надежду и Покой — всё то, что ведёт любой Разум к осознанию Бытия.

Единый смысл смертной и вечной жизни делится на путь и достижение. Путь человека дорог и долог. Он включает в себя поиски, приобретения и лишения — испытания и ошибки. Достижение же — главная цель. Оно являет собой Истину. Рай Божий — не только блага Его, но и, главным образом, Её [Истины] вечность. Ад Божий — лишь Её отсутствие, а не страдания, ведь мы — часть Бога и Его Истины.

Во время пути человеку свойственны грехи. Грех есть отступление души от Истинного, но не единственно верного пути. Цель и замысел есть самое главное, что исключительно выше любого поступка. Каждый разум безмерно богат. Мы, как часть Бытия, не имеем зла. Зло есть мгновение после выбора, но не его цель. Посему каждый из грехов, как и каждая человеческая душа, достойны всепрощения и понимания. А Добро есть не отсутствие зла. Оно является всем тем, что нам даёт Истина, — то есть добродетелью. Его проявления заслуживают уважения большего, чем Лик Господа, ведь в каждом Добре есть Его большая часть.

Все догмы и заповеди — лишь наставления, а не путь верный. Церковь — лишь мирская помощь человеческому Разуму, а не истинный царь. Закон Божий един, мягок, снисходителен и твёрд ко всем мгновениям. Единственный грех пред собой совершает лишь тот, кто сознательно убивает в себе Бога. И тот человек не будет прощён лишь потому, что его некому будет простить. Господь Сам не имеет ни алчной цели, ни других греховных дел, а являет из себя лишь образ разума и осознания. Бог есть наш Отец, Дух и Спаситель, но не царь и не судья. Бог есть Учитель, Врач и Покровитель. Человек есть Бог.»

Глава 2. Введение

У этой книги довольно странное название, и не буду врать — я попросту любитель подобного, и я хочу начать с него, потому что в нём заключено почти всё, что я собираюсь сказать дальше, — только сжато до одной ёмкой и малость афористичной картинки.

Есть очень древний человеческий жест: обернуться. Когда нам страшно или тоскливо, когда настоящее давит, что происходит отнюдь нередко, мы оборачиваемся назад — к началу, к истоку, к тому золотому времени, которого, как нам кажется, мы лишились. Мы ищем Бога позади себя: в детстве своем или человечества, когда люди будто бы говорили с небом напрямую; в первопричине мира, в той самой точке, откуда всё пошло, — там, думаем мы, и должен сидеть Создатель, как мастер у начала своей работы; в собственном прошлом, в утраченной чистоте, в так часто называемом «как было раньше». И вот что я заметил, прожив с этой мыслью не один год: сколько ни оборачивайся, Его там нет. Позади остаётся лишь то, что уже остыло. По преданиям жена Лота обернулась на горящий город и стала соляным столпом;¹ в этом образе больше точности, чем благочестия, — кто оборачивается, тот каменеет. Бог — если понимать под этим словом то, что я попробую под ним понимать, — не остаётся в прошлом и не прячется у начала причинной цепочки. Он есть лишь там, где длится жизнь: в этом мгновении и может в том, что впереди. «В каждом его мгновении есть Бог», — написал я в прологе, и заглавие книги есть лишь оборотная сторона той же фразы. Оборачиваясь, мы не увидим Бога — но не оттого, что Его нет, а оттого, что глядим не совсем в ту сторону.

Вот, собственно, и вся интонация; теперь о том, что это за книга и кому она может быть, станет полезной.

Это отнюдь не трактат и не вероучение. Я не основываю церкви, не предлагаю обрядов, ни в коем случае не зову никого покидать свою веру; у меня нет ни сана, ни кафедры, ни права поучать кого-либо с высоты. Здесь будет другое — долгий и по возможности честный разговор человека с самим собой и с тем, кто согласится слушать, о вещах, которые принято либо обходить молчанием, либо обставлять таким велеречием, что слушать делается невмочь. Я постарался держаться посередине, между этими двумя бедами.

Писалась она долго, и даже не ради печати — мне нужно было свести концы с концами, в самом буквальном смысле свести воедино то, что годами лежало во мне по разным ящикам, между которыми я метался время от времени, и упрямо не желало уживаться. В первом ящике хранилась наука, которую я люблю и которой доверяю. Грубо говоря, половина моей осознанной жизни связана с ней напрямую и очень прочно. За последние годы я написал не одну работу по фундаментальному анализу, теории квантовой памяти, теории оптимизации экстремально сложных алгоритмов и теории чисел. Всё это определяет во мне конечно ученого, а не теолога. Во втором — философия, к которой я отношусь с огромным уважением как к мастерской, к набору весьма удобных инструментов логики и познания. В третьем — вера, отчасти выросшая из детства, из родной культуры, из жизненного опыта и из простого нежелания поверить, будто за всем этим миром нет ничего, кроме слепой химии. Большую часть жизни ящики стояли порознь, и я, как многие, доставал мысли из них по очереди. В какой-то день мне стало за это совестно — не оттого, что так нельзя, так живёт почти весь думающий свет, а оттого, что во мне это растило тихую раздвоенность, неотвязное чувство, что сам себе я не вполне честен. Эта книга и есть попытка перестать жить в трёх углах.

Отсюда видно и то, кому она в большей мере предназначена. Не убеждённому безбожнику, у которого всё решено и бесприсветно пессимистично, и не человеку простой, цельной,

¹ Бытие 19:26. В предании этот образ толкуется как предостережение против оглядки на погибшее — и окаменения в этой позе.

ненарушенной веры, которому, дай ему Бог, ничего сверх неё и не надобно. Я пишу для тех, кто застрял посередине, — а таких сегодня, сдаётся мне, и есть большинство среди мыслящих. Для того, кто уже не умеет верить наивно, по-детски, но у кого и язык не повернётся сказать, что мир пуст и смысла в нём ни на гроша. Для того, кто слишком чтит физику, чтобы поверить в волшебный посох, и слишком остро чувствует жизнь, чтобы счесть любовь, совесть и тоску по высшему обыкновенной отрыжкой нейронов, о которой и заговаривать бывает неловко. Состояние это я знаю изнутри, потому что сам прожил в нём годы и, по совести сказать, не вполне выбрался и теперь.

Метод, если у этой книги вообще есть метод, прост. Я возьму у всех трёх областей то, что считаю надёжным, и не притворяюсь, будто они меж собою не спорят. У точной науки возьму её главную доблесть — честность перед собственными границами: хороший физик, в отличие от бойкого популяризатора, превосходно знает, куда простирается его знание и где начинаются «красные флажки», за которые в ремесле заходить не принято. У философии мы с вами возьмем как я выразился ремесленный инструмент — умение различать понятия, ловить себя на подмене, доводить мысль до конца, каким бы неудобным этот конец ни вышел. У богословия — а опираюсь я в основном на христианское, по причинам, о которых скажу ниже, — беру то единственное, чего нет ни у науки, ни у чистой философии: выстраданный за тысячелетия опыт обращения с человеческой душой в её слабости, в горе и у последней черты. Лаборатория умеет измерить тело; церковь же две тысячи лет сидит у изголовья умирающих и у колыбели только что рождённых, и в этом её не превзошёл никто. Сталкивать эти три голоса лбами я не стану, но и подменять их живой хор глухим унисоном, делая вид, будто они твердят одно и то же на разных наречиях, тоже не буду. Где они сойдутся — увидим; где разойдутся — я не затушую шва, а попробую понять, отчего он пролёт.

Будет честно сразу назвать своё место, чтобы вы могли вносить поправку на мою кривизну, как моряки вносят поправку на ветер. Я христианин, и притом православный. Точка эта не нейтральна, и я не стану притворяться, будто гляжу на все веры с одинаковой высоты, — такой высоты не бывает, её придумывают для красоты слога. Многое в своей конфессии я люблю и принимаю, иное отвергаю и не стыжусь этого. Дописывалась книга во время моего, в кавычках, паломничества по святым местам Крыма, и сильнее всего мне легли на душу Успенский пещерный монастырь, врубленный прямо в скалу, да Форосская церковь на обрыве, где я отстоял службу перед Троицей и, кажется, впервые за долгие годы ни о чём не думал, в том смысле, что о чем-то тяжелом. Назову же себя честно: я культурный или как говорят этнический христианин, или, если угодно, христианский гуманист, и то, что я исповедую, ближе даже к толстовству и к универсализму с изрядной примесью деизма, нежели к строгому церковному православию или иной еще более суровой конфессии. Свобода веры для меня — безусловное право всякого, и ни единой строкой я на него не посягну.

Одно исключение из этой свободы у меня всё же есть, и я выложу его сразу, чтобы после не возвращаться. Мне глубоко неприятен — да, именно неприятен, тут я не подберу слова мягче — тот, кто, прикрываясь наукой, зовётся ярым атеистом, а в первую же тяжёлую минуту украдкой шепчет к небу. Окопный безбожник, что не молился, пока всё было ладно, и зашептал, едва прижало, лжёт не Богу — Бога это нимало не задевает, — он лжёт себе. А ложь самому себе, по моему глубокому убеждению, страшнее лжи ближнему, ибо у неё нет свидетеля, способного её уличить. Однако я не буду осуждать такого человека, ведь как мы скажем позже, путь к осознанию всегда идет через противление. Куда большее уважение вызывает во мне честный агностик; среди них я и сам бы стоял, когда бы душе моей не приходилось так долго и так упрямо возиться с образами и формами старого и нового богословия, чтобы хоть как-нибудь утихнуть.

И последнее, и самое важное. Не принимайте меня за того, кто вещает с горы. Не зря я в данную минуту сижу на стуле. Я пишу не как достигший, а как идущий, и притом идущий

неровно, с остановками и попятным шагом. Окончательных ответов у меня нет; есть лишь нащупанная за годы тропа, которой, сдаётся мне, можно держаться, не теряя ни ума, ни совести. И если в конце книги я скажу, что человек есть Бог, — а я это скажу, и это главные слова всего здесь написанного, — то о себе самом сказать этого не смогу и за то прошу меня простить. Истина, о которой пойдёт речь, всегда где-то бесконечно близко, на расстоянии ладони, но прикоснуться к ней дано немногим, и я, при всём желании, не из их числа. Условимся же так: перед вами не поучение, а лишь мои личные записки. Мы как ни крути с вами попутчики и идти нам, в конце концов, в одну сторону.

Глава 3. О вере и о сомнениях

Начну с признания, странного в книге о Боге: главным источником наших бед, как бы это пессимистично ни звучало, я считаю человеческий разум. Не злую волю, не дьявола, не дурное устройство мира — именно разум, ту самую способность рассуждать, которой мы так гордимся. И да именно она дает нам всё прекрасное, созданное человеком, но наряду с этим почти все терзающие нас вопросы мы сочиняем себе сами, по ходу размышления, и большей их части в действительности нет; родившись в голове, а не в мире, они в голове же и остаются нерешёнными — отчасти оттого, что решать, по существу, нечего. Это, пожалуй, одна из немногих аксиом, на которых я готов стоять твёрдо: добрая половина философских тупиков — не свойства бытия, а складки нашего собственного ума, который, единожды задав вопрос, уже не умеет умолкнуть.

Возьмите самый знаменитый из этих тупиков. Я думаю, он стоит нашего внимания.² Мы спрашиваем: почему вообще есть нечто, а не ничто? — и вопрос кажется бездонным, головокружительным, но вы просто взгляните в него. Слово «почему» мы выучили внутри мира, где у всякого следствия есть причина, где спичка вспыхивает оттого, что её чиркнули. Перенести это «почему» на самый факт существования мира — значит молча допустить, что и у мира как целого есть причина того же разбора, что у спички. А с чего бы? Мы взяли инструмент, выкованный для починки часов, и норовим им чинить само время; немудрено, что инструмент скрежещет. Вопрос не пуст, нет; но добрая половина его тяжести идёт от нашей же грамматики, а не от устройства бытия. И на удивление относительно науки такой вопрос о фундаментальных ошибках нашей системы еще более популярен.

Вот отсюда, от границ разума, я и захожу к вере, ибо без честного разговора об этих границах всякая речь о вере вырождается либо в проповедь, что не плохо, но скорее не мое дело, либо в насмешку. Принято воображать, будто вера и знание — два враждующих стана и человек обязан выбрать себе окоп. Заблуждение это глубоко и живуче, а держится на том, что обе стороны себе льстят. Верующий мнит, будто знает то, что на деле лишь принял на веру. Неверующий мнит, будто не верит ни во что, а только знает, — и обольщение это порой ещё грубее.

Любая точная наука, как ни странно это звучит, имеет свою точность — то есть свой предел. Всякий настоящий мастер расскажет вам о «красных флажках», за которые в его области заходить не принято, об аксиомах, которые внутри системы не доказываются, а кладутся в её основание, чтобы было на чём её строить. Физик знает это лучше прочих: там, где его уравнения вдруг выдают бесконечность — в сердцевине чёрной дыры, в первое мгновение мира, — он понимает, что добрёл до края карты, и дальше простирается уже не знание, а догадка. Геометрия Евклида две тысячи лет стояла на постулате о параллельных, доказать который не сумел никто, — покуда не выяснилось, что его и нельзя доказать и что, отвергнув его, можно выстроить иные, столь же стройные геометрии, на которых, между прочим, и держится теория относительности. Логик Гёдель в начале прошлого века доказал — именно доказал, строго, средствами самой математики, — что во всякой достаточно богатой формальной системе найдутся истины, в ней невыводимые³, и что система не может изнутри поручиться за собственную непротиворечивость. Выходит, у самого твёрдого здания человеческого знания фундамент

² Вопрос «почему есть нечто, а не ничто?» поставлен Лейбницем («Принципы природы и благодати», 1714). Витгенштейн в «Логико-философском трактате» (1921) считал такие вопросы бессмысленными: они возникают из неправильного применения языка, а не из устройства мира.

³ Курт Гёдель (1906–1978), «Über formal unentscheidbare Sätze...» (1931). Первая теорема о неполноте: в любой непротиворечивой формальной системе, достаточно богатой для арифметики, есть истинные, но недоказуемые в ней утверждения. Вторая: такая система не может доказать собственную непротиворечивость.

таков, что часть его приходится принимать на веру — на ту спокойную доверчивость, разумеется, а не на религиозную, без которой не сделать и шага. А Юм за полтора века до Гёделя указал на вещь ещё проще⁴ и оттого ещё досаднее: у нас нет логического права быть уверенными, что завтра взойдёт солнце. Из того, что оно всходило миллион раз, строго не следует, что взойдёт и в миллион первый; мы попросту привыкли и доверяем привычке. На этом доверии к завтрашнему дню, которого доказать нельзя, держится вся наука, всякий замысел, сама наша способность жить. Зовите это как угодно — я зову это верой в широчайшем и честнейшем смысле слова.

Я нарочно говорю о математиках и физиках, а не о святых, чтобы стало ясно: вера — не только лишь подпорка для слабого ума, а несущая балка всякого ума вообще. О ней, в отрыве от всякой религии, размышляли не одни проповедники, но и умы самого трезвого закала. Тут стоит развести два слова, которые мы по бедности языка вечно смешиваем. «Верить» — это принимать на слово некий факт за неимением проверки: верить, что Земля кругла, хоть сам вокруг неё и не плыл. «Веровать» — это верить себя, опираться всем своим весом, относиться к чему-то как к почве под ногами. Веровать в любимого человека не значит держать в руках доказательство его верности — значит решиться жить так, как если бы она была несомненна. И вот что тут открывается: важнейшие вещи в жизни устроены так, что доказательство приходит после решимости, а не прежде неё. Нельзя сперва удостовериться, что брак будет счастлив, и лишь потом обвенчаться; нельзя сначала проверить, что дело твоей жизни тебя не предаст, и только затем отдать ему жизнь. Прыгаешь — и уже в полёте узнаёшь, была ли внизу вода. Один датский философ называл это прыжком;⁵ мне милее слово «доверие», ибо всякая живая связь между людьми — дружба, любовь, верность — стоит ровно на нём, на согласии поверить прежде доказательств. Паскаль, ум, между прочим, первейшего математического разбора, прикидывал всё это почти по-купчески:⁶ поставишь на Бога и проиграешь — потеряешь малость, выиграешь — выиграешь всё; стало быть, ставка выгодна. Торгашеская эта интонация мне не по душе, верить из выгоды — почти то же фарисейство, — но суть он схватил верно: есть вопросы, где отказ выбирать есть тоже выбор, и притом наихудший. Не решить, во что верить, — уже значит прожить так, будто не веришь ни во что; нейтралитета здесь не отпущено никому.

Отсюда я вывожу себе простое правило и кладу его первым камнем. Вопрос «есть Бог или нет» задан неверно, если ждать на него ответа той же породы, что на вопрос о жизни на Марсе. На Марсе бактерии либо есть, либо их нет, и однажды мы поглядим и узнаем. С Богом этот номер не пройдёт — и не оттого, что недостаёт телескопов, а оттого, что предмет иного рода: мы внутри бытия, мы сами его часть, и спрашивать изнутри полотна, есть ли художник, требуя, чтобы он выступил из рамы и помахал кистью, — наивно. Честных дорог тут, по мне, две, и обе я уважаю. Одна — дорога сухой науки, которая молвит: об этом я не сузу, это вне моего ведения, и кто моим именем утверждает или отрицает Бога, наукой уже не занят. Другая — дорога глубокой философии, которая молвит: точного ответа не добыть и в принципе, ибо спрашивающий ниже уровнем, чем то, о чём он спрашивает. А третью, торную дорогу готовых религиозных ответов, где всё будто бы доподлинно известно и записано, я обхожу: слишком часто она петляет там, где притворяется прямой, и идти по ней с поднятой головой мне не выходит.

Тут стоит остановиться на мысли, которая поначалу кажется странной, а чем дольше её держишь, тем вернее выглядит: путь и к вере, и к знанию всегда идёт через отрицание и про-

⁴ Дэвид Юм, «Трактат о человеческой природе» (1739), кн. I, ч. III: проблема индукции. Из того, что нечто происходило n раз, логически не следует, что произойдёт в $(n+1)$ -й. На этом доверии к привычке держится и всё научное знание.

⁵ Сёрен Кьеркегор (1813–1855), «Заключительное ненаучное послесловие» (1846): «прыжок веры» (troens spring). Вера невозможна без предшествующей неопределённости; никакое рассуждение не снимает необходимости этого прыжка.

⁶ Блез Паскаль, «Мысли» (посмертно 1670), фр. 418: «Пари Паскаля». Если Бог есть — ставя на Него, выиграешь всё; не ставя — теряешь всё. Автор признаёт логику, но отвергает мотивацию выгоды как основу веры.

тивление. Не через покорное согласие, не через гладкое принятие с первого слова, а именно через сопротивление, через упрямое «нет», через попытку оттолкнуть и опрокинуть. Это видно повсюду, стоит лишь приглядеться. Наука движется вперёд не тогда, когда подтверждает свои догадки — подтвердить можно почти что угодно, подобрав удобные примеры, — а тогда, когда яростно пытается их опровергнуть и не может; теория стоит ровно столько, сколько она выдержала направленных на неё ударов, и учёный, по-настоящему преданный истине, всю жизнь занят тем, что ищет, где его любимая мысль ломается. Знание, которое никто не пробовал на излом, — не знание, а суеверие, случайно оказавшееся правдой. То же и в богословии, и притом у самых трезвых его умов: они давно поняли, что о Боге вернее говорить, чем Он не есть, чем что Он есть, — не свет и не тьма, не великое и не малое, не то и не это, — ибо всякое наше «да», приложенное к Нему, тотчас Его мельчит и искажает; и к Истине здесь подбираются, последовательно отрицая всё, чем она не является, как скульптор добирается до лица, отсекая лишний камень. И в живой человеческой судьбе всё так же. Самые крепкие верующие — почти всегда из бывших отрицателей: тот, кто гнал и преследовал, прежде чем уверовать; тот, кто требовал вложить пальцы в рану, прежде чем поверить; тот, кто целую ночь боролся с Богом в темноте у брода и за это самое борец получил новое имя — а имя это, если вдуматься, означает не «покорный Богу», а «борющийся с Богом». Вера, доставшаяся без сопротивления, дёшево стоит и легко осыпается при первом же горе; вера, выстраданная через «нет», через гнев, через долгую тяжбу с небом, держится потому, что человек к ней не привалился по лени, а прорвался с боем и знает ей цену. Так что не бойтесь в себе отрицателя и спорщика — он не враг вашей вере, он её повивальная бабка. Кто ни разу честно не сказал «нет», тот и своему «да» настоящей цены не знает; согласие, не прошедшее сквозь отрицание, — это просто привычка, надевшая чужую шляпу.

И тут я возвращаюсь к названию. Сомнение — не порок веры и не её враг. Сомнение — это то, что не даёт вере окаменеть, превратиться в тот самый соляной столп. Вера без сомнения — это уже не вера, а уверенность, а уверенность, как я ещё не раз скажу, бывает самым опасным состоянием человеческого ума, потому что именно за ней люди идут жечь и убивать со спокойной совестью. Я не зову вас перестать сомневаться. Я зову вас сомневаться честно — направляя сомнение и на собственную неверу тоже, а не на одну лишь чужую веру. Атеизм, ни разу не усомнившийся в себе, ничем не отличается от фанатизма, кроме отсутствия ладана. А честное сомнение ещё никого не увело от истины; оно уводит только от лжи, что совсем не одно и то же.

Глава 4. О религии

Теперь — о религии как таковой, о вещи, которую сегодня принято либо благоговейно защищать, либо высокомерно высмеивать, причём защитники и насмешники толкуют, сами того не замечая, о двух совершенно разных предметах. Я попробую говорить об одном, но с двух сторон, ибо у религии, как у медали, две стороны, и обе они настоящие.

Сторона первая, тёмная, та, от которой просвещённому скептику делается противно и понимаю это. Особой проницательности тут не нужно: всякая суровая, грозная религия — со всемогущим Господином, с вечной мукой непокорным и вечным блаженством верным — на диво ладно скроена для управления людьми. Мысль эта стара как мир, и задерживаться на ней я не стану, но обойти её было бы трусостью. Главная забота всякой власти — унять сомнение народа в её правоте и силе; и тут небесный Господин незаменим. Объяви земного правителя его помазанником, посули покорным вечное блаженство, а бунтарям вечный огонь — и люди понесут твой портрет рядом с иконой в любой поход и сотворят самое кровавое дело, ни на миг не дрогнув совестью, ибо уверенность есть то, в чём человеческий ум нуждается больше всего, и кто её даёт, тот держит человека крепче всякой цепи. Недаром и само слово «Господь» так сродни «господину»: в этом родстве свёрнута целая история власти. Достоевский вложил это в уста своего Великого инквизитора с

Ф. М. Достоевский, «Братья Карамазовы» (1879–1880), кн. V, гл. 5 «Великий инквизитор»: люди жаждут не свободы, а чуда, тайны и власти — и церковь дала им желаемое.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.